Анатолий Рыжик

Жизнь в зелёном мундире

Книга вторая. Офицерское становление

Анатолий Рыжик

Жизнь в зелёном мундире. Книга вторая. Офицерское становление

«Издательские решения»

Рыжик А.

Жизнь в зелёном мундире. Книга вторая. Офицерское становление / А. Рыжик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964317-9

При несении службы по охране неба Родины защитникам вместе со своими семьями приходится преодолевать множество трудностей и невзгод. Полученные в легендарном военном ВУЗе знания и боевой дух позволили автору начать успешную офицерскую карьеру. Книга читается на одном дыхании благодаря лёгкости пера автора, досконального знания армейской действительности и прекрасного чувства юмора.

ISBN 978-5-44-964317-9

© Рыжик А.
© Издательские решения

Содержание

Жизнь в зелёном мундире 6
Книга вторая. Становление 7
Вступление в главу 9
Глава первая 11
Часть 1 12
79-я Гвардейская зенитно-ракетная бригада 13
7-й зенитно-ракетный дивизион «Краситель» 17
Первый день службы 20
Первая проверка 23
Часть 2 25
Вступление в должность 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Жизнь в зелёном мундире
Книга вторая. Офицерское становление

Анатолий Рыжик

Редактор Владимир Борисович Броудо

© Анатолий Рыжик, 2019

ISBN 978-5-4496-4317-9 (т. 2)
ISBN 978-5-4496-4316-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь в зелёном мундире

Книга вторая. Становление

Рыжик Анатолий Игоревич

Посвящается самому надёжному и любимому человеку, идущему со мной сквозь радости и невзгоды жизни.

Анатолий Рыжик

Вступление в главу

Я знаю, что надо придумать,
Чтоб не было больше зимы,
Чтоб вместо высоких сугробов
Вокруг зеленели холмы

Смотрю я в стекляшку
Зелёного цвета,
И сразу зима
Превращается в лето

Прекрасный стишок Агнии Барто. Внучка – Даша его выучила неделю назад, а сегодня 19 ноября 2006 года идём с ней по рынку, вдруг она говорит:

– «Толя, купи мне, пожалуйста, очки от солнца»

«Зачем Дашулька, ведь сейчас зима?» – не понял я.

«Я знаю…» – отвечает – «… одену их, будет как летом!».

***

До каких пор можно смотреть через стекляшку, выдавая желаемое за действительность? В каком возрасте лучше не пользоваться этим приёмом?

Не знаю. У кого как. Но точно знаю: многие из знакомых идя по жизни «со стекляшкой» в то или иное время были вынуждены отнять её от глаз. А, отняв, с удивлением обнаруживали, что зашли слишком далеко, а не туда. То, что выдавалось за хорошее вначале – приводило к пагубным последствиям. Вернуться бы назад, да нельзя.

Когда я перестал воспринимать серые цвета как розовые? Где проходила моя черта, перейдя которую я начал воспринимать и чувствовать жизнь в реалиях? Конечно, это началось в училище, но только началось. Перед нами стояла одна задача – получить высшее образование и стать офицером.

Но вот она выполнена, цель достигнута, что дальше? Вот здесь и проходит моя черта, через которую я переступил уже не дальтоником. Резко и навсегда я откинул «стекляшку зелёного цвета». Не потому, что меня осенило, а потому, что я попал в такие условия. В период жизни с семнадцати до двадцати двух лет я был уверен, что белое не может быть чёрным. Это сейчас я начинаю сомневаться и осторожничать, а тогда. … Тогда, видя перед собой белое, я

был твердо убежден, что так оно и есть. В том возрасте я всегда мог ответить на вопрос: «Что делать?»

Ещё бы! Ведь это тот возраст, когда ты думаешь, что ты свободен, когда в тебе кипит океан энергии, когда кажется, что ты вечен и всемогущ…

Разве это плохое восприятие жизни?

Очень хорошее, но не реальное.

Мир так непостоянен, сложен так
И столько лицедействует обычно,
Что может лишь подлец или дурак
О чём-нибудь судить категорично.

В училище мы небыли подлецами и дураками, но мы были наивны, к тому же хотелось добиться многого в жизни!

Эта глава книги существенно отличается от первых двух – как и сама жизнь. Более того, у меня сложилось такое впечатление, будто я прожил совершенно разные жизни на разных возрастных этапах. Думаю, так оно и есть.

Когда человек всем своим существом начинает понимать смысл таких определений как честь, труд, польза, совесть, ответственность? Определённо у каждого обострение чувств ответственности начинается в своё время и по-своему.

У меня полная ответственность за происходящее появилась в 22 года, когда приказом Министра Обороны СССР я был назначен на должность заместителя командира батареи зенитно-ракетного дивизиона. Мясорубка жизни, в которую я попал – молотила всё: эмоции, чувства, здоровье. Вернее, молотила обладателей чувств, притупляя их эмоции и лишая здоровья. В таких условиях четко проясняется: кто есть кто. Здесь не скажешь «может быть» если надо говорить «да» или «нет».

Это уже не категоричность – это жизненная позиция. В такой обстановке видно честных и мужественных, видно товарищей и негодяев, приспособленцев и врагов.

Глава первая
Становление

1971-
1973 гг

Часть 1

Тут на милость не надейся!
Стиснул зубы – и терпеть!
Ты не вой – борись и бейся
Хочешь плакать? Надо петь…

После выпуска из училища мы с Анной поехали в отпуск. Первый, офицерский.

Самолётом в Кишинев. Переночевали в гостинице и автобусом в Бендеры. Такой маршрут был выбран по приглашению старшей сестры Анны – Гали Козловской. Её муж Михаил служил в тех краях.

Мы купались в Днестре, пили прекрасные вина…

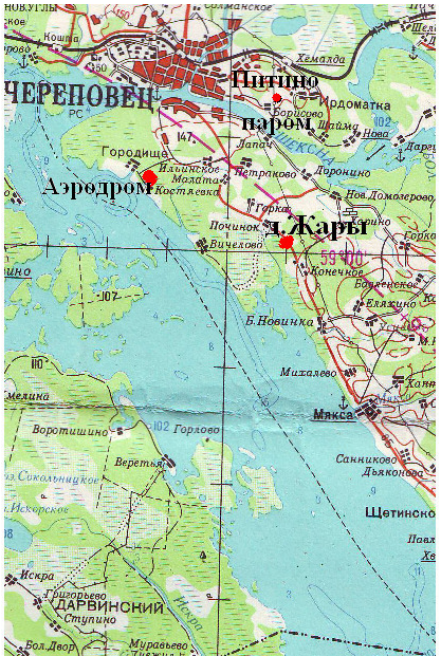
А сколько в августе фруктов в Молдавии!

Десять быстро пролетевших дней, и мы едем в Павлоград. Украина тоже хороша. Пяток дней в Павлограде, и мы самолётом летим в Донецк, затем автобусом в Артёмовск там жила папина двоюродная сестра – тетя Ира.

Из Артёмовска едем в Питер, Кронштадт.

Когда догуляли последние отпускные дни, Анна поехала в Минск – остался последний курс института, а я поехал в…

Череповец, город областного подчинения, центр Череповецкого района Вологодской области РСФСР. Расположен на Волго-Балтийском водном пути. Порт на Рыбинском водохранилище. Железнодорожная станция на линии Вологда – Ленинград. Население в 1971 году составляло 246 тысяч жителей.



79-я Гвардейская зенитно-ракетная бригада

Череповец встретил меня неприветливо. Он так встречает всех – хмурый, серый город. Пахнет севером и металлом. Люди насупленные и безразличные. Но я этого не видел, а если бы даже и видел, то мне было не до того. Я искал свою часть.

Она оказалась недалеко, за городом, в поселке Питино. Доложил о своём прибытии дежурному по части, тот – командиру.

Обязанности командира 79-й гвардейской бригады исполнял заместитель – подполковник Аралов. Комбриг полковник Прудников был в отпуске.

Мне было приказано побыть в комнате дежурного, а к командиру зайти через час.

Пока я ожидал беседы с подполковником Араловым, дежурный по части рассказал о том, что Череповецкая зенитно-ракетная бригада смешанного состава. На её вооружении стоят комплексы противовоздушной обороны большой дальности (дальность поражения более двухсот километров) – ЗРК С-200 и средней дальности (до 150 километров) ЗРК С – 75, который я изучал.

Вызвали к замкомбригу. В часть я прибыл, как и положено в парадной форме. Представился. У подполковника Аралова никаких вопросов ко мне не было. Один он задавал себе, бормоча под нос:

– «Куда бы лейтенанта послать?»

Возникла пауза, я замер…

Вдруг подполковник обратился ко мне:

– «Ты лейтенант, где хочешь служить: на «Мастаке» или на «Красителе?».

Я естественно не понял, чего он от меня хочет, и его вопрос повис в воздухе. Паузу прервал стук в дверь, и на пороге возникла фигура старшего лейтенанта:

– «Товарищ подполковник разрешите войти?»

Аралов переключился на вошедшего:

– «Скрипкин, ты не брит, нет знаков гвардии и классности, весь помят…. Вот посмотри на лейтенанта – как аккуратен!»

– «Товарищ подполковник, когда я семнадцать лет назад прибыл сюда служить, я выглядел не хуже!»

– «Однако ты Скрипкин карьерист…, кстати, ты ведь с Красителя?» – «Так точно!»

– «Вот и хорошо. Заберешь с собой лейтенанта.

Будет у Вас служить на должности заместителя командира батареи»

– «Товарищ подполковник, Вы не ошиблись? Ведь это капитанская должность и она занята! На ней стоит капитан Курский»

– «Курского поставим комбатом на дивизион „Мастак“. Не зря же он во Вьетнаме воевал. А этот лейтенант на капитанскую должность приказом Министра Обороны назначен – против этого не попрёшь, да он к тому же высшее образование имеет»

Старший лейтенант просяще:

– «Товарищ подполковник, а когда Вы меня поставите на капитанскую должность? Обещали сколько раз…»

– «Скрипкин, ты ждал всего семнадцать лет, что уже свербит? Не можешь ещё немного подождать? К тому же посмотри на себя: весь помят, да и выпить любишь…. А-а, иди отсюда и лейтенанта по дороге не потеряй…»

Когда вышли из кабинета, Скрипкин протянул мне руку: – «Борис».

Я представился. Он поинтересовался:

– «Гвардейский знак вручили?»

– «Нет».

– «Сейчас организую» – глаза Скрипкина заблестели: – «Идём в строевой отдел».

В строевом отделе он представил меня начальнику отдела – майору, участнику Отечественной войны. Сказал, что было бы неплохо, если бы тот передал мне «эстафету поколений» – вручил мне в торжественной обстановке гвардейский знак.

Майор засуетился, подчинённым в отделе сказал, что если его будут спрашивать начальники – то он убыл по делам в какое-нибудь подразделение.

Достал из шкафа коробочку, открыл и показал мне новенький, блестящий знак «Гвардия». У меня загорелись глаза: ещё бы, в первый день в войсках, а уже стал гвардии инженер-лейтенантом!

Втроём мы вышли из штаба. На жилой территории военного городка нас ждала машина, грузовик ЗИЛ- 157.

Майор и Борис сели в кабину, а я, закинув чемодан, залез в кузов, уже начиная догадываться о какой «торжественной» обстановке говорил Скрипкин. Тем не менее, я был удивлён, когда через сорок минут езды, вылезая из кузова, я увидел… вокзал! Через пару минут мои сомнения рассеялись окончательно – Скрипкин и майор уверенной поступью направлялись в ресторан.

Войдя в него, я начал выбирать столик, но Борис потащил меня за рукав:

– «У тебя денег, что ли много? Прибереги, у нас ещё будут затратные дела».

Мы прошли через зал, на кухню. С нами повара и прислуга любезно здоровались. В углу стоял столик, стульев не было. Разместились стоя. Майор сказал официантке, ласково назвав её по имени:

– «Вручаем Гвардейский знак очередному гвардейцу. На стол как всегда»

Ритуал был отточен: через минуту на столе стояли стаканы, наполненные до края водкой, а на них сверху разместились бутерброды с ветчиной. Каждому по одному. Майор бросил Гвардейский знак в мой стакан, а Скрипкин сказал речь. Она его была короткой:

– «Держись, лейтенант! Здесь тебе не…».

Начальник строевого отдела его поправил:

– «Держись, гвардии инженер-лейтенант и не…».

Затем они разом осушили свои стаканы.

Выпил и я, с ужасом думая, как я буду представляться командиру дивизиона – это предстоит сделать сегодня, ведь в этот же день мы должны прибыть к месту назначения.

Скрипкин вилкой проделал дыру в моём парадном мундире и прикрепил Гвардейский знак. Оба офицера пожали мне руку – поздравили.

Ритуал был закончен.

Длился он не более пяти минут.

Обратная дорога до бригады заняла у нас те же сорок минут. По приезду майор пошёл вершить свои строевые дела, а старлей Скрипкин подогнал машину к продовольственному складу – загружать продукты для дивизиона.

Затем в эту же машину загрузили пару бочек солярки, смену белья в баню личному составу, товары военторга. Забрали выздоровевших больных из санчасти, освобожденных арестованных с гауптвахты…

Было около 18 часов, когда, закончив загрузку, мы выехали из городка Питино в сторону дивизиона. Я, в парадном мундире сидел в кузове машины на одной ягодице, среди ящиков с продуктами, какого-то барахла, бочек с соляркой, солдат и жен офицеров, которые приехали по делам в город. Я уже знал, что зенитно-ракетный дивизион с позывным «Краситель» находится в девятнадцати километрах от черты города. Знал что как таковой дороги к нему нет, а есть «направление движения» разбитое напрочь. Непроходимое в весенне—осенний периоды, которые длятся в Череповце почти по полгода.

Дорога оказалась пересеченной рекой Шексна, через которую ходил паром. Старший машины Скрипкин, высадив людей из кузова, побежал на паром с криками:

– «Внимание! Народ! Расступись! Плохие тормоза!»

Народ отреагировал сразу – очистив проход, очевидно зная, что это не шутка. И правильно сделал, так как машина, заехав, не смогла затормозить и с грохотом врезалась в железную аппарель парома.

Капитан судна по громкой связи выдал порцию мата, суть которой сводилась к тому, что военные постоянно гробят его паром.

Переправа

Я спросил у Бориса: – «А если бы впереди стояла машина? Её бы разбили…».

– «Поэтому и не стояла. Уже били. Нас на всякий случай пропускают первыми, а если нет, то мы пропускаем очередь на паром»

– «Может надо сделать на машине тормоза?» – наивно поинтересовался я.

– «Подожди с умными мыслями. Всё увидишь сам» – ответил Борис и продолжил – «у сельмага, в деревне Матурино, я остановлю машину. Сходишь и купишь ящик портвейна „Солнцедар“ – будешь представляться коллективу дивизиона. С собой в магазин возьмешь солдата, он донесёт ящик до машины» Что я мог возразить, не зная нравов и обычаев? Не зная, что будет дальше, не зная даже, где я буду сегодня ночевать.

Но, тем не менее, один вопрос я задал:

– «Борис, может не надо „Солнцедар“? Говорят им забор можно красить…, а ещё говорят, у нас его Африка покупает негров травить…»

– «Негров может, и травят, а у нас в дивизионе он в ходу. Ну не коньяк же тебе покупать! Денег не хватит – ведь меньше ящика никак нельзя!»

Возражать я не стал – денег на ящик коньяка у меня не имелось.

Дорога до дивизиона, в самом деле, была ужасна, вернее её не было, а была смесь кочек и ям.

Девятнадцать километров «дороги» от парома до зенитно-ракетного дивизиона мы проехали за три часа!

7-й зенитно-ракетный дивизион «Краситель»

Дорога в Череповец, поиск воинской части, посвящение в гвардию и езда на корточках в кузове машины меня вымотали. Поэтому, когда мы прибыли после 21.00 в дивизион у меня появились мысли об отдыхе. Я предположил, что будут проблемы с организацией моего размещения – время позднее, никого не найдёшь. «Ничего страшного» – подумал я – «переночую в какой-нибудь каптёрке»

Находясь в бригаде, я узнал, что командир дивизиона майор Моисеев – пьяница, что пьёт он как свинья, а его за это не могут выгнать из армии, потому что он имеет высоких покровителей.

Дошло до того что, будучи в Череповце, он напился и валялся на улице, пока милиция не забрала его в вытрезвитель. Там у него началась белая горячка и из вытрезвителя его переправили в госпиталь на излечение.

Всё это происходило совсем недавно, поэтому Моисеев сейчас находится в госпитале. Ещё мне рассказали о том, Моисеев заговаривается, называя себя князем Жаровским (производная от названия деревни Жары, из пяти домов, рядом с которой расположен дивизион).

Узнал я и то, что дивизион считается ссылкой, в штате большой некомплект, как офицеров, так и сверхсрочников.

В дивизионе никто не хочет служить, а младшее звено офицерского состава – почти все двухгодичники – студенты.

В такой ситуации, думая о ночлеге мне ничего хорошего ожидать, не приходилось. Подумал: хотя бы каптёрка, в которой придётся ночевать, была не очень грязной…

Машина остановилась на КПП. Оттуда Скрипкин позвонил начальнику штаба дивизиона – доложил о приезде. Оказалось, что рабочий день не закончен, идёт совещание офицерского состава и все находятся в классе учебного корпуса.

После доклада Скрипкин сообщил мне: «Нас ждут»

По дороге в учебный корпус я увидел тусклый пейзаж жилой территории дивизиона с деревянными постройками. Несмотря на то, что мы шли в полутьме, Скрипкин не терял времени – вводил меня в курс жизни дивизиона. Он рассказал, что есть и каменные здания на хозяйственной территории, это котельная и баня. Казарма, классы, склады, водокачка, навесы, свинарник – старые деревянные постройки. Жилой городок (ДОСы – дома офицерского состава) находится за КПП. Это четыре одноэтажных сборно-щитовых жилых дома. Они с такими дефектами, что их прозвали сборно—щелевыми. В домах очень плотно размещены офицеры и сверхсрочники с семьями. Туалеты находятся на улице, поэтому зимой, когда морозы доходят до минус пятидесяти, народ, снимая штаны мёрзнет.

Вода берётся в колодце, который редко, но перемерзает. Отопление домов осуществляется дровами, которые готовят себе на зиму сами проживающие. Заготовку леса проводят силами дивизиона сообща, а колет дрова каждый сам себе как может. Попросту говоря, совершается военное офицерское троеборье: вода – дрова – помойка.

Помещения дивизиона и жилые дома давно не ремонтировались. Со всех сторон они продуваются ветром и по ним шныряет бесчисленное количество огромных крыс.

Детей офицеров (школьников) доставляют за пять километров в деревню Воронино – там находится ближайшая школа. Возят их на машине без кузова – ракетном сидельном тягаче. В кабине по трое – четверо детишек.

В деревенской школе учеников и учителей не хватает, поэтому с первого по пятый класс занятия проводит один учитель, а все ученики находятся в одном помещении.

Это всё Скрипкин успел мне рассказать по дороге в класс, где нас ждали. Информацию Борис «вываливал» на меня, не жалуясь на судьбу, а, просто констатируя реалии понимая, что такая участь уготована и мне. Я даже заметил в его рассказе некую гордость за себя: мол, условия дрянь, а я в таковых уже семнадцать существую!

Честно говоря, меня его повествование мало волновало и уж совсем не пугало: Анне ещё год учиться в Минске. Я выдержу, а там глядишь – что-нибудь придумаю.

Не так страшен чёрт, как его малюют!

Сейчас меня больше интересовал вопрос: как встретит молодого лейтенанта коллектив?

И он встретил меня смешками и шуточками…

Только мы вошли в класс, я сразу же почувствовал, как неестественно смотрелась моя парадная, цвета морской волны форма в этих условиях! (Отсюда смешки и шуточки).

Как я потом узнал, многие из офицеров парадную форму даже не получали (для чего она здесь?), считая денежную компенсацию за неё более целесообразной и необходимой.

Скрипкин доложил начальнику штаба:

– «Товарищ майор! Старший лейтенант Скрипкин из штаба бригады прибыл. Задачи, поставленные выполнил. Привез с собой лейтенанта на должность заместителя командира батареи»

Перешёптывание и шуточки среди офицеров сразу же смолкли, а начальник штаба опешил:

– «Может, ты и на мою должность кого-нибудь привёз? Ты, наверное, Скрипкин уже дербалызнуть успел. Капитан Курский только что ушёл в отпуск после боевых действий во Вьетнаме, а ты его сразу же куда-то запихнул. Я с подполковником Араловым в обед по телефону говорил – даже намёков с его стороны на перемещения не было!»

– «Забыл Аралов Вам сказать, а я никого и никуда не пихал. Капитана Курского поставят комбатом в другой дивизион. Аралов сказал, что ему некуда деться – лейтенант на капитанскую должность приказом Министра Обороны назначен. Он Минское ВИЗРУ закончил» – доложил Скрипкин.

– «Ну, это совсем другое дело раз Курский пошел на повышение!

Тогда жаль, что ты на моё место никого не привёз!» – вздохнул начальник штаба и, уже обращаясь ко мне:

– «Мы сейчас товарищ лейтенант, готовимся к прилёту командира корпуса ПВО генерала Кабишева – летчика, Героя Советского Союза. Не путайте его только с Карбышевым – того немцы убили, а этот прилетает с комиссией, чтобы нас «убить», а точнее разорвать нам жопу немецким знаком! Уже трижды за этот год наш дивизион признавался не боеготовым!

Для его приезда мы готовим вертолётную площадку на послезавтра. У Вас есть время войти в курс дел. Батарею будет представлять командир – капитан Сергиенко, а Вы как инженер проведёте подготовку

аппаратной и приемо-передающей систем.

А то эти «пиджаки – интеллигенты» – он указал на группу отдельно сидящих лейтенантов – вечно чего-нибудь отмочат. Студенты – что и говорить!»

И уже перейдя на устало-добродушный тон, начальник штаба закончил:

– «Ладно, товарищи офицеры, совещание будем заканчивать. Сейчас лейтенант…, как Вас? Рыжик… расскажет о себе»

Я доложил свою автобиографию, которая умещалась на половине страницы. Докладывал минуту.

– «Какие вопросы к лейтенанту?» – спросил начальник штаба.

– «Никаких!» – бодро и за всех присутствующих ответил Скрипкин – «тем более что товарищ привёз вступительные…»

В класс солдат принёс «Солнцедар». Собрание ожило. Начальник продовольственного склада молниеносно засервировал столы эмалированными кружками, доставил хлеба и консервов.

С полным соблюдением субординации и чиноуважения, с короткими тостами командного состава дивизиона, ящик «Солнцедара» был опустошён за полчаса.

Я только успел спросить у начальника штаба, где мне можно разместиться, сначала хотя бы на ночлег.

– «Завтракать будете в солдатской столовой. Дежурному скажете, что я приказал Вам снять пробу. Скрипкин Вас привёз – у него и заночуете, а завтра выйдет на службу командир дивизиона – майор Моисеев – ему представитесь, и он Вас определит».

Скрипкин попытался возразить:

– «У меня ночевать негде – две комнаты, жена, дети. Куда положить?».

– «Хочешь, чтобы я посоветовал его положить с твоей женой?» – спросил Бориса начальник штаба.

Скрипкин такого совета не хотел.

Первый день службы

На следующий день с утра я пошёл позавтракать в солдатскую столовую – «снять пробу». Затем проследовал на развод личного состава по местам работ. Проводил его начальник штаба майор Агеенков. Первое, что он сделал – представил меня всему личному составу дивизиона, после чего я занял своё место в строю.

Организация развода и поведение на нём личного состава мне не понравились: много говорильни, нет постановки конкретных задач наблюдаются пререкания и разговоры в строю.

В училище было не так. Конечно, я знал, что будет не так, но и не думал, что так плохо.

После развода майор Агеенков сказал мне, чтобы я представился командиру дивизиона – тот прибыл из госпиталя и находится в своём кабинете.

Постучавшись, со словами «Разрешите войти?», я вошёл в маленький кабинет, в котором стоял один письменный стол и было одно маленькое окно.

Помещение было шириной с окно и настолько маленькое, что казалось, будь здесь детский горшок, то он наверняка был бы внутрь ручкой.

За столом, спиной ко мне смотря в окно, подперев голову, сидел, очевидно, командир дивизиона, очевидно майор.

Меня смутило то обстоятельство, что на одном погоне была майорская звезда, а на другом нет.

На мой «вход» никакой реакции. Минута, три, пять…

Я решил – надо представляться. Доложил:

– «Товарищ майор! Лейтенант Рыжик прибыл для дальнейшего прохождения службы!»

В ответ – молчок. Стою, жду. После затянувшейся паузы, не поворачиваясь ко мне:

– «Говоришь, служить прибыл? Так иди, служи!»

Я опешил от такой встречи, но мне надо было определяться с моим размещением и приёмом должности. Решил спросить:

– «Товарищ майор! Разрешите вопрос?». А в ответ:

– «Вопросы здесь задаю я! Ты знаешь кто я?».

– «Знаю. Командир дивизиона майор Моисеев».

– «Не хрена ты не знаешь! Я князь Жаровский! Понял?»

– «Так точно. Понял».

– «Ну, тогда иди, служи лейтенант».

Расстроенный я зашел к начальнику штаба Агеенкову, доложил, как прошло представление в должности. Тот не удивился. Агеенков -участник Парада Победы, знаменосец, кидавший знамена гитлеровской Германии к подножью Мавзолея Ленина был готов ко всему. Даже к тому, что им командует больной идиот.

А вот меня в те времена эта несправедливая «кадровая смесь» самодуров – алкоголиков и участников Великой Отечественной войны меня просто поразила. Причём значительно больше, чем плохие условия жизни в дивизионе. Это был первый урок несправедливости кадровой политики в армии, но увы – далеко не последний.

По ходу моей службы известное выражение:

«кадры решают всё» трансформировалось в другие:

«В кадрах – решают всё».

«Кадры – решают и всё».

«Кадры – решились на всё».

Начальник штаба майор Агеенков был ровесником моего Папы. Пройдя фронт, он дослуживал до пенсии в дивизионе, не имея квартиры в городе. Как и все прочие Агеенков прожи-

вал с большой семьёй в лесу и имел только то жильё, что было предоставлено здесь – в сборно—щелевом сарае, называемом ДОСом.

А вот командиру дивизиона майору Моисееву было около тридцати лет, но он имел «мохнатую лапу» и квартиру в городе. Поражала несправедливость: будучи пьяницей и плевательски относясь к службе, Моисеев мог командовать такими заслуженными людьми как Агеенков.

В течение дня я скитался в неопределённости, но, в конце концов, было принято решение поместить меня в общежитие для лейтенантов-двухгодичников. Там я буду до того времени, пока капитан Курский не переедет и не освободит положенную мне штатно-должностную служебную квартиру.

То, что мне такая квартира положена по штату была единственно хорошая новость с момента моего приезда.

Определили моё жильё к вечеру, а утром так и не зная, где буду сегодня ночевать, я отправился на позицию ЗРК С-75В. Отправился «как инженер» проводить подготовку техники к прилёту командира 3-го Корпуса ПВО Героя Советского Союза генерал-майора Кабишева и следовавшей с ним комиссии.

Придя на позицию ЗРК, я долго не мог понять, что я должен делать. Все занимались своим делом, всё светилось и мигало каскадом разноцветных лампочек. Стоял гул вентиляторов охлаждения аппаратуры, который периодически прерывался командами по громкоговорящей связи (ГГС):

– «Кабина У – дайте РК!»

– «Кабина А – срыв АС!»

– «Кабина П – БАПК не держит!»

– «Кабина РВ – смотрите за напряжением».

Тёмный лес, да и только! Однако увиденного я совсем не испугался.

Более того, подумал: хорошо, что в училище мало занимался изучением техники. Те, кто много сидел за схемами теряли время зря. Невозможно всё это действо изучить по схемам, в классе. Надо окунуться с головой в эту обстановку, жить в ней и понимать её и только потом углублять свои знания по принципиальным схемам.

Я уже твёрдо знал, что я ничего не знаю.

Найдя командира батареи капитана Сергиенко, спросил какие мои действия. Тот ответил:

– «Самый сложный участок в Вашем подразделении приёмопередающая кабина. Настройку аппаратуры в ней проводит техник кабины старший лейтенант Гусев. Грамотный, но нервный офицер. Идите туда».

Кабина П это приемо-передающая система ЗРК с пятью антеннами, две из которых весят по две с лишним тонны. Стоит она на возвышенности – на месте постоянной дислокации это насыпная гора. Кабина весом 14 тонн вращается по кругу, вправо, влево. Туда куда её поворачивает из кабины управления (У) маленьким колесом штурвала офицер, производящий поиск цели в воздушном пространстве. Передатчики кабины П посылают на сверхвысокой частоте импульсы мощностью 1 мегаватт. Такое облучение очень вредно для всего живого, поэтому никто из офицеров не хотел работать в кабине П.

Взобравшись на гору, я никак не мог попасть в эту пакостную «избушку на курьих ножках».

Вывешенная на домкратах вместе с колёсами она находилась на уровне полутора метров от земли и постоянно вращалась.

Дверь в неё закрыта, рев моторов сканеров – не докричишься. Тем не менее каким-то образом я умудрился во время паузы вращения «впихнуться» в неё.

Места внутри не было. Площадь пола (2кв. м.) была завалена запасными частями и схемами.

Старший лейтенант Гусев, двухметрового роста, сложившись пополам (высота внутри кабины 1м.60см) что-то крутил внутри рычащих шкафов с аппаратурой.

Он прокричал, перекрикивая гул сканеров:

– «Ты чего припёрся? Места внизу, что ли мало? Здесь и без тебя тесно. Я тут даже один задыхаюсь!»

Я возразил, что имею задачу от комбата – контроль над его работой, но хочу посмотреть и поучиться.

Гусев продолжал ворчать, а я сел на пол, на задницу, потому что стоять не представлялось возможным.

Через полчаса у меня затекли ноги и начало подташнивать. Что и для чего делал Гусев – я не понимал. Он мне не рассказывал, а если бы и рассказывал, то я бы всё равно не услышал.

Прокричав Гусеву:

– «Пойду, посмотрю, как дела в кабине А» (аппаратной), я вывалился на улицу.

Настроения никакого. Как контролировать подчинённых и учить их, если сам ничего не умеешь? Звание есть. Должность (некоторые по семнадцать лет её ждут) тоже есть.

А что и как дальше?

Всё больше и больше я начинал понимать, в какой ситуации оказался….

В кабине А было намного тише. Расчёт – три офицера и один старшина, работал в сравнительно комфортных условиях.

Старший лейтенант мне доложил:

«Товарищ лейтенант! В аппаратной кабине проводятся регламентные работы. Старший техник системы – старший лейтенант Саяпин».

Я поздоровался: «Здравствуйте. Вы, наверное, один кадровый офицер в аппаратной. На какой системе работаете?».

– «Так точно, кадровый. Работаю на системе селекции движущихся целей (СДЦ) уже три года».

– «Отлично. Мы в училище эту систему мало изучали – слукавил я – поэтому поучусь у Вас, а Вы по мере возможности рассказывайте мне о ней. Только так, чтобы это не повредило регламентным работам»

Первый рабочий день закончился у меня, как и у всех – после часа ночи, проведением контроля функционирования на станции наведения ракет (КФС). Контроль не прошёл «как надо», но не из-за техники, входящей в подчиненное мне подразделение, а по вине кабины управления. Были какие-то сбои, и часть офицеров продолжила настройку аппаратуры.

Командир батареи капитан Сергиенко разрешил мне и моим подчинённым идти отдыхать:

– «Нечего здесь торчать. Вы идите, но в семь утра всем быть здесь. Будем встречать комиссию»

Сам комбат Сергиенко, оставив на рабочих местах необходимый расчет, продолжил руководить настроечными работами.

Первая проверка

Сирена взвыла в пять утра, не давая осознавать ничего кроме понятия: срочно быть на своем месте в боевом расчёте. Я прибыл в кабину А (аппаратную). Дежурной сменой сокращённого боевого расчёта проводился КФС. Не выспавшиеся, небритые, хмурые лица расчёта давали мне представление о том, как выгляжу я. «Мало того, что не выспались, так ещё и не пожрем до приезда комиссии» вздохнул кто-то.

КФС прошёл нормально, но станцию не выключили, а началась боевая работа. Очевидно, тревога была упреждающей приезд комиссии и объявлена с командного пункта бригады.

В кабине «У» боевой расчет вёл так называемую боевую работу, а задача моего расчёта заключалась в том, чтобы следить за исправностью аппаратуры. Следили условно. Потому, что, опёршись на гудящие, железные шкафы своих систем, все офицеры-техники дремали.

Сидим на местах час, второй…. Спрашиваю у Саяпина:

– «Как долго могут длиться такие посиделки?»

– «Обычно весь день, а то и ночь»

– «Тогда давайте продолжим вчерашние занятия. Хоть польза будет»

Систему СДЦ я изучал до самого обеда, а только мы собрались поочерёдно отобедать, как по ГГС объявили: вертолет с командиром 3-го корпуса ПВО генерал-майором Кабишевым приземлился на вертолётную площадку дивизиона.

Мне не повезло – командование корпуса на второй день моего пребывания в войсках удостоит меня посещением.

Я ещё плохо понимал структуру частей, поэтому Саяпин объяснил мне, что наш дивизион входит в состав 79-й Гвардейской зенитно-ракетная бригады, а она в свою очередь входит в 3-й корпус ПВО.

Штаб корпуса находится в Ярославле, а сам корпус расположен аж в шести областях!

Позже я узнал, что в состав 3-го корпуса ПВО входят:

– Девять полков ЗРВ Ярославский, Костромской, Вологодский, Переславль-Залесский, Рыбинский, Кимрский, Уйтинский, Верхневольский, Котлаский и 79-я Череповецкая Гвардейская зенитно-ракетная бригада.

– Четыре авиационных полка.

– Бригада и полк радиотехнических войск (РТВ).

– Ряд батальонов обеспечения.

Повторно взвыла сирена. От одного состояния «тревога» мы переходили в другое ещё более «тревожное». Без перерыва на обед.

Было понятно, эту команду (не зная о предыдущей) дал прилетевший Комкор.

Через несколько минут кабина «А» заполнилась подполковниками и полковниками. Началась проверка боевой готовности техники. Боевая работа и опрос личного состава по технической, специальной, разведывательной, противохимической и тактической подготовкам.

Спрашивали и меня. Свой ответ я начинал со слов:

– «Прибыл для прохождения службы позавчера…». Но это никого не останавливало и даже не смягчало.

Мне показалось, что скорее наоборот, подзадоривало показать лейтенанту, что он «зелен» и совсем мало знает.

Вот это я знал и без них…

«Живодёрня» закончилась к 23 часам. По ГГС прозвучала команда: строится на плацу. На улице я увидел, что майора Моисеева не было, построением руководил начальник штаба.

Появился Командир корпуса со следовавшей за ним комиссией. Агеенков подал команду и доложил:

– «Товарищ генерал-майор личный состав 7-го ЗРДН по Вашему приказанию построен!»

Строевой плац, где происходило построение, находился возле казармы. Освещён был он плохо, но было видно: у стоящего перед строем генерала Кабишева глаза метали молнии. Офицеры штаба корпуса приступили к подведению итогов, и чем дольше они говорили, тем больше хмурился Комкор. Когда прозвучал последний доклад, мы поняли – ничего хорошего ждать не приходится.

Генерал подал команду остаться офицерам, остальной расчёт отправил в казарму.

Затянувшуюся из-за перестроения паузу Комкор разрубил восклицанием:

– «Какого чёрта Вам платят денежное содержание?»

Затем перешёл на злобный рокот:

– «Вы работаете на Пентагон, там и получайте зарплату… Больше вреда, чем ваш дивизион, нашему 3-му корпусу никто не причинял…. А где этот Ваш… как его… князь Жаровский? Скотина…. Опять спрятался? Всё равно я добьюсь, чтобы его сняли с должности!»

Минут пятнадцать разъярённый генерал уничижал всех и вся. Закончив речь обещанием массовых репрессий, Комкор повернулся и, не попрощавшись, пошел к вертолётной площадке. Сделав несколько шагов, вдруг повернулся и пошёл обратно к строю.

Все от напряжения словно одеревенели: что ещё ему надо?

Мы стояли одной шеренгой. Генерал провел глазами вдоль неё, увидел меня и подошёл. Протянул мне руку:

– «До свидания лейтенант!»

Сказать, что все ошалели от такого оборота событий – ничего не сказать. Я тоже не понимал, чем заслужил такую честь. Вроде на проверке не очень отличился…

– «До свидания товарищ генерал-майор!»

Комкор пошёл к самолёту, но, сделав несколько шагов, опять обернулся:

– «Не понимаете, почему попрощался только с одним лейтенантом? Да только потому, что Вы все вредители, а он за один день своей службы ещё не успел сильно напакостить боевой готовности дивизиона!»

Сказав это, генерал уже безвозвратно пошёл в ночь. К вертолетной площадке.

Часть 2

Лейтенант – будь похитрее…
Знаний мало? Так учись!
Рвись упорно к своей цели…
Драться надо? Так дерись!

Вступление в должность

События первых дней службы врезались в память на всю жизнь. Думаю, это по причине остроты восприятия и важности для меня этих событий.

Приезд командира корпуса не остался без реакции со стороны командования бригады. Вышел из отпуска комбриг полковник Прудников и начал посылать своих клерков с проверками в дивизион через день. Мне они не мешали, более того, спрашивая с меня, как положено, они направляли мои действия на решение первоочередных задач. А их было море.

Как и учили в МВИЗРУ я начал прием должности с приёма техники. Упорно сверял секретные шкафы и блоки с инвентарными номерами секретного делопроизводства. Делал это сам, не доверяя никакой комиссии. Всё прошло нормально. Затем начал принимать ЗИПы (запасное имущество и приборы). Вот тут был полный завал. Не было учёта, не хватало огромного количества запасного и возимого имущества. Измерительные приборы были не все, не поверены, часть из них была поломана. Я спал по четыре-пять часов, увиливал от всевозможных второстепенных работ. Подъем, завтрак в солдатской столовой и быстрым ходом на боевую позицию в ЗРК. Короткий обед и снова в «окопы». Рабочий день всегда заканчивался за полночь.

Ночью иногда до трёх раз, как минимум раз – подъём по «Готовности №1», готовности к **реальному** пуску **реальных** дежурных ракет.

Почему так часто?

Потому, что маршрут и зона барражирования самолётов-разведчиков SR -71 стран НАТО, по маршруту «Гигантское копьё», проходили, так что оказывались в зоне обнаружения средств разведки и целеуказания (СРЦ) округа. Скорость SR -71 составляла один километр в секунду, и он мог, свернув с маршрута, быстро войти в воздушное пространство СССР. Вот почему огневые дежурные средства округа приводились в готовность к его уничтожению.

По тревоге мы постоянно неслись на свои места в боевых расчётах, ЗРК к тому времени уже был включён оперативным дежурным, который проводил КФС. Лётчик-враг на маршруте – мы в кабинах. Самолёт так ни разу и не свернул: наверно лётчик понимал – собьют…

Даже ночью, пока расчеты ожидали налёта противника, я ворочал ящики с ЗИПом, считал, переписывал. Комбат меня торопил:

– «Ты должен вступить в должность за три дня – иначе не получишь денежного довольствия»

Я схитрил, написал рапорт о том, что приступил к выполнению служебных обязанностей и в нём написал, что занимаюсь приемом имущества.

Уловка удалась. Рапорт подписал комбриг, и меня отдали приказом по части как приступившего к службе.

«Личная» ревизия длилась около недели. Учитывая, что я выполнял и текущие задачи, то можно считать, что это прошло очень быстро.

Картина состояния дел была ужасающей, перечень некомплекта занял более десятка листов и составил около 40%. Это при допуске в 3%!

Комбат, посмотрев мой рапорт (с приложением), собрал офицеров и дал им срок – неделю на устранение изложенных мною недостатков. Предупредил, что по такому рапорту, скорее всего, приедут проводить расследование из инженерно-ракетной службы бригады и тогда всем виновным придётся платить свои «кровные». Сказал, что пока рапорт будет ходить по инстанциям то кое-что из недостатков можно успеть устранить. Свой рапорт и бумаги я отправил с секретной почтой. Стал ждать решений командования.

Рапорт канул во времени. Ни ответа, ни привета…

Через две недели я попросил комбата разрешения на выезд в штаб бригады – узнать, где мой рапорт. Нашёл его в строевом отделе. На нём не имелось никакой резолюции.

Раздосадованный я пошёл на приём к комбригу. Его обязанности опять, по какой-то причине, исполнял подполковник Аралов. Я было начал докладывать суть моего вопроса, но он меня перебил:

– «Лейтенант, ты читал что написал? Сам ты «комру»! А я командир бригады!

И запомни, у тебя начальников до меня пруд пруди, а ты через их головы прыгаешь! Они видели твою писанину…? Видели? Тогда и они получат за отсутствие ходатайства на рапорте!»

Из кабинета Аралова я вышел расстроенный, не понимая за что меня так. Несомненно, я сделал ошибку – адресуя рапорт на имя командира бригады, минуя моих прямых начальников.

А почему он меня какой-то «комрой» назвал, я понял, только внимательно посмотрев на свой рапорт. В углу стандартного листа бумаги было написано: *Ком-ру бригады*.

(*Конечно, я допустил оплошность, написав слово «командиру» сокращённо*).

В дивизионе я переписал рапорт и попросил уже комбата его подписать. Капитан Сергиенко, взяв авторучку, написал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.